

A close-up portrait of a young woman with dark hair and eyes, looking slightly to the left. A dreamcatcher with white feathers is visible on the left side of the frame. The lighting is soft and warm, creating a serene atmosphere.

Полина Люро
Шаманка

Полина Люро Шаманка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70113019

SelfPub; 2023

Аннотация

Танцуй, юная шаманка, борись за жизнь ребёнка, не обращая внимания на презрение и смех тех, кто не знает, чем тебе приходится расплачиваться за чудо...

Полина Люро

Шаманка

Звуки рождались где-то глубоко внутри меня. Я слышала, как они ворочались и вздыхали, постепенно сливаясь в непонятные слова. Их было много — они приближались, подобно пчелиному рою, сначала пугая тихим гулом, а затем превращаясь в адский вопль, от которого голова раскалывалась и звенела.

Мне же оставалось продолжать своё безумное кружение в танце, всё быстрее и быстрее, взмахивая рукавами старинного бабушкиного платья. словно крыльями обезумевшей раненой птицы, пытающейся отвлечь коршуна от гнезда...

Намокшие от пота растрёпанные волосы облепили лицо, пришитые к платью ленты развевались на ветру, бубенцы звенели, а из горла сами собой вырывались странные, гор-танные слова песни-заговора. Они возникали в глубине души, заглушая ужасные голоса, пытавшиеся вырваться наружу и помочь тьме, что оседлала маленького, лежащего передо мной стонущего в бреду ребёнка.

Я лишь на секунду бросила на него взгляд. Вид этого прелестного личика, обрамлённого тёмными кудряшками волос, бледного, с потрескавшимися розовыми губами, заставлял меня продолжить танец, всё больше раскачиваясь и кружась, направляя свою силу против той тьмы, что, не желая

отпускать малыша, уже присосалась к его худенькой шейке.

Тоненькие руки, охваченные защитными татуировками, взлетали к небесам и падали вниз, тяжелея с каждым новым движением, но, со стоном преодолевая боль, я снова попыталась столкнуть злого духа с груди ребёнка. Голос становился всё громче и громче, переходя в отчаянный крик, и, наконец, смёл болезнь, унося её прочь к рою дрожащих и шепчущих теней, обещавших неугомонной шаманке жестокую расплату за ещё одну спасённую душу...

Но мне это было неважно, сегодня я выиграла, хотя после проведённого обряда — едва дышала... Ноги не слушались, уронив измученное тело на заранее постеленный коврик. Слабость была такой, что едва хватило сил не сомкнуть свинцовые веки. Обливаясь горячим потом, я смотрела, как малыш распахнул большие глаза, протягивая ручки счастливой матери. Она подхватила его и, целуя, крепко прижала к себе. Это стало для меня лучшей наградой, и, прошептав:

– Живи долго, маленький, — я закрыла глаза.

Что-то упало на взмокшее платье, и не нужно было размыкать горячие веки, чтобы понять — отец ребёнка бросил деньги, как собаке кость. Он гнушался даже отдать их мне в руки — я была для него всего лишь необразованной чумазой деревенщиной, зарабатывающей этим «дурацким представлением» жалкие гроши на пропитание. Откуда ему знать, что за спасение его ребёнка мне пришлось заплатить кусочком своей души...

Я лежала на коврике, тяжело дыша, не в состоянии подняться, когда волна дорогих духов окутала беспомощное тело. Мама малыша, сняв с тонкого пальца переливающийся перстень, осторожно засунула его в мою дрожащую ладонь:

– Спасибо, девочка!

Еле кивнула в ответ — на слова уже не осталось сил. С трудом надев «подарок» на палец, прислушалась к недовольному ворчанию мужчины, хлопанью дверцы и удаляющимся звукам отъезжающего автомобиля. Руки вцепились в жёсткую траву в попытке остановить нарастающее головокружение, пересохшие губы шептали:

– Терпи, терпи, не маленькая — ещё немного, и всё пройдёт. Не в первый раз...

Через несколько минут наконец-то смогла открыть слезящиеся, покрасневшие от напряжения глаза. Как же хотелось расчесать их до крови — было так больно, словно искупалась в колючем песке, но я и с этим справилась.

Поднявшись с земли, отряхнула бабушкино платье и, убедившись, что поблизости никого нет, сняла его через голову, убрав в школьный рюкзак. Натянув форму, поправила короткую юбку и причесала растрепавшиеся во время танца волосы. Ещё минута — и в перелеске у дороги стояла не молодая шаманка, а школьница с измученным, усталым лицом.

До автобусной остановки оставалось совсем немного. Я медленно брела вдоль шоссе, думая, как было бы здорово сейчас залезть под душ, и чтобы дома не было вечно брюз-

жащего отца и молодой мачехи с её цепкими пронзительными, стремившимися заглянуть в душу глазами. Когда-нибудь мы с ней обязательно сцепимся, и мне придётся изгнать из неё тьму, имя которой жадность и злоба. Только пусть это случится не сегодня, пожалуйста...

Они выросли словно из-под земли, — трое парней, от которых несло вином и насилием. Их мутные глаза, казалось, ощупывали меня, раздевая, а ухмылки на перекошенных от желания лицах говорили о том, что пощады не будет. Но я слишком устала, чтобы вежливо разговаривать с такими подонками, поэтому, собрав остатки силы, отбросила парней в овраг. И даже не посмотрела в их сторону, делая вид, что не слышу треска ломающихся костей и жалобных воплей. Сами напросились...

А через пять минут уже сидела в спешащем к дому автобусе и дремала. Во сне мне привиделась мама: я показывала ей заработанный перстень; загадочно улыбнувшись, она прошептала:

– Избавься от него, он принесёт одни неприятности. Отдай мачехе — она заслужила, будет знать, как обижать мою доченьку...

Засмеялась в ответ — на душе было легко и радостно, ведь сегодня мне удалось спасти ещё одного ребёнка. Мама была права, говоря, что со временем я стану хорошей шаманкой — такой же, как когда-то была она...